

ВЫЖЖЕННЫЙ КЛЮЧ

ДМИТРИЙ ДОБРОДЕЙ

Дмитрий Добродей

Выжженный ключ

«Автор»

2026

Добродей Д. Е.

Выжженный ключ / Д. Е. Добродей — «Автор», 2026

Москва, 2061. Дима Добродей — бывший проводник, специалист по работе внутри Толщи, общей нейросети города. Три года назад ему выжгли ключ, и с тех пор он чинит чужие импланты в мастерской в Марьиной Роще. Однажды ночью кто-то входит в хранилище корпорации его выжженным ключом — и там гибнет человек. Теперь Диму ищет служба безопасности, а единственный, кто предлагает не тюрьму, а работу, — человек, который не тратит слова. Семь суток, чтобы найти того, кто сделал невозможное. Или стать тем, кем его уже назначили.

© Добродей Д. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая рука	5
Глава 2. Человек, который не тратит слова	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Добродей

Выжженный ключ

Глава 1. Чужая рука

Дождь над Марьиной Рощей шёл третьи сутки, и рекламные экраны на крыше «Гелиоса» отражались в лужах так ярко, что казалось — светят из-под земли.

Дима Добродей сидел в задней комнате своей мастерской и держал пинцетом крошечный контакт от чужого затылочного разъёма. Разъём принадлежал курьеру из Отрадного, который вчера пришёл с жалобой: «Картинка плывёт, когда бегу». Картинка плыла, потому что курьер сэкономил и ставил китайские контакты на корейский порт. Дима это видел сразу, но не сказал. Люди платят за починку, а не за правду.

Мастерская называлась «Ремонт нейроинтерфейсов, быстро, без вопросов». Первые два слова были правдой. Последние два — тем, за что здесь на самом деле платили.

Три года назад у Димы была другая работа. Он был проводником.

Так называют тех, кто умеет работать внутри Толщи — общей сети, в которую давно срослись все городские системы: банки, больницы, транспорт, корпоративные хранилища, чужие сны. Обычный человек видит Толщу как ленту с картинками. Проводник видит её как пространство — этажи, коридоры, запертые двери. И умеет двери открывать.

Для этого нужны две вещи. Порт в затылке — такой можно поставить в любой подворотне. И ключ.

Ключ — это не пароль. Это отпечаток того, как именно твой мозг сжимает и разжимает сигнал, когда тыходишь. У каждого он свой, как походка. Ключ выдаёт городская Палата, и она же может его выжечь: прописать в реестре Толщи, что вот эта походка — запрещена, и тогда любой шлюз, любая дверь, любой узел просто перестают тебя видеть. Не выбрасывают. Не бьют током. Ты подключаешься — и вокруг тебя пустота.

Диме выжгли ключ за «Тверскую-12». Про «Тверскую-12» он старался не думать.

Дверь мастерской хлопнула так, что задребезжала витрина с чужими ушными усилителями.

— Дима. — Ваня Некипелов стоял на пороге, мокрый, огромный, с пакетом из «Азбуки» в руке. — Ты сегодня выходил из дома?

— Я живу здесь.

— Значит, нет. — Ваня прошёл в заднюю комнату, не разуваясь, поставил пакет на верстак и достал из него две бутылки пива и планшет. — Тогда сядь. Ты сидишь? Хорошо.

Ваня держал лавку в Митине, торговал железом, которое по документам не существовало: серые импланты, перебитые порты, чипы с выдуманной историей. Он был единственным, кто три года назад продолжал звонить Диме, когда все остальные перестали. Ваня никогда не спрашивал про «Тверскую». Он просто приезжал, привозил пиво и говорил о своём.

Сегодня он говорил не о своём.

— Ночью кто-то вошёл в «Севергаз-Ноосферу». В хранилище, не в приёмную. Четвёртый уровень. — Он повернул планшет к Диме. На экране была служебная сводка, из тех, что не показывают в ленте, но за деньги продают в любом подвале. — Вошёл чисто. Без взлома. Просто прошёл через все шлюзы, как свой.

— Бывает. У корпораций дырявые люди.

— Дима. Он прошёл с твоим ключом.

Дима не сразу понял, что означает эта фраза. Не потому, что не понял слов. Потому, что слова описывали невозможное.

— Мой ключ выжжен.

— Знаю.

— Выжженный ключ не открывает шлюзы. Он их закрывает.

— Знаю. Читай.

Дима взял планшет. Сводка была сухая, корпоративная, с временными метками. Вход 03:14. Прохождение шлюзов один, два, три, четыре — без единого отказа. Идентификатор походки в реестре Палаты: Добродей Д. Е., статус — аннулирован. Хранилище открыто 03:31. И дальше — строка, от которой у Димы похолодели пальцы.

Оператор дежурной смены, Ершов А. В., подключён к хранилищу для противодействия. 03:33 — обратный сигнал. 03:34 — смерть мозга.

Кто-то не просто вошёл его походкой. Кто-то встретил дежурного, который пытался вытолкнуть чужака из хранилища, и убил его — послал по нейросвязи такой сигнал, что у человека сгорела кора. Это умеют единицы. Дима умел. Он никогда этого не делал, но умел, и все, кто знал его прежнюю работу, знали и это.

— Это не я, — сказал он.

— Мне можешь не объяснять. — Ваня открыл бутылку о край верстака. — Объяснять придётся другим. «Севергаз» подключил Палату, Палата подняла реестр, в реестре твоя фамилия. Пока ты паял чужие уши, тебя уже назначили.

— Ключ выжжен. Его нельзя использовать. Это физически...

— Это физически кто-то сделал. Значит, можно. — Ваня отхлебнул. — И вот что мне не нравится больше всего. Не то, что тебя подставили. А то, что для этого у кого-то должна была быть копия твоей походки. Снятая до того, как её выжгли. Ты кому-нибудь давал себя записать?

Дима молчал. Он вспоминал.

Палата снимала походку при выдаче ключа — это стандарт. Потом снимала при аннулировании — тоже стандарт, чтобы прописать запрет. Значит, две копии лежали в Палате. Палата — государственная структура, доступ туда есть у всех корпораций с лицензией на безопасность. То есть у всех.

— У любого, у кого есть пропуск в реестр, — сказал он.

— То есть у половины города. Отлично сужает круг.

Дверь хлопнула во второй раз, тише.

Дима узнал шаги раньше, чем увидел человека. Три года не слышал — и узнал. Ровные, лёгкие, чуть быстрее, чем ходят люди без вживлённого разгона. Настя Семенова вошла в заднюю комнату, отряхнула капюшон и посмотрела сначала на Ваню, потом на пиво, потом на Диму.

Она почти не изменилась. Короткая стрижка, чёрная куртка, под ней — угадываемый по осанке каркас. Настя работала телом: охраной, сопровождением, иногда тем, чему нет приличного названия. Её разгон — искусственные волокна в мышцах и ускоренные нервы — стоил больше, чем вся мастерская Димы с домом впридачу. Она заработала на него сама. Когда они были вместе, она говорила, что он работает головой, а она руками, и вместе они целый человек.

После «Тверской» целый человек развалился. Дима не винил её. Он бы сам от себя ушёл.

— Ты уже знаешь, — сказала она. Не вопрос.

— Ваня принёс.

— Тогда слушай, что Ваня не принёс. — Она не села. Она никогда не садилась в чужих помещениях. — Я сейчас на контракте у «Радуги». Служба безопасности. Утром «Радуга» получила запрос от «Севергаза» на содействие в задержании. Не в «поиске». В «задержании». Твой адрес у них есть. Выезд назначен на пятнадцать ноль-ноль.

Дима посмотрел на часы над верстаком. Четырнадцать сорок.

— Ты пришла предупредить.

— Я пришла, потому что старший службы, Ярцев, попросил передать тебе лично: если ты не побежишь, разговор будет другим. — Настя выдержала паузу. — Он сказал: «Мне не нужен виновный. Мне нужен тот, кто это умеет». Я не знаю, что это значит. Но я знаю Ярцева. Он не тратит слова.

Ваня фыркнул.

— Ага. И ещё он не тратит людей, пока они полезные.

— Именно, — сказала Настя, и в этом слове не было ни согласия, ни спора. Только точность.

Дима положил пинцет. Контакт от чужого разъёма так и остался лежать на сукне — крошечный, китайский, дешёвый. Курьер из Отрадного зря приходил.

Он подумал о дежурном по фамилии Ершов, о котором до сегодняшнего дня не знал ничего и который умер ночью с его именем в журнале. Подумал о том, что за три года впервые кто-то произнёс слово «умеет» рядом с его фамилией не как обвинение.

Подумал о Насте, которая стояла в его мастерской и не садилась.

— Хорошо, — сказал он. — Я не побегу.

За окном дождь ударил сильнее, и на мокром асфальте перед мастерской остановились две машины без номеров.

Глава 2. Человек, который не тратит слова

Из первой машины никто не вышел. Из второй вышел один человек, без зонта, и пошёл через лужи к мастерской так, будто дождь его не касался.

Дима видел его через витрину между ушными усилителями и коробкой с чужими портами. Лет пятьдесят. Серое пальто, серые волосы, серое лицо, из тех, что не запоминаются с первого раза и не забываются со второго. Никаких видимых имплантов. У людей его уровня импланты не видны — это и есть уровень.

— Ярцев, — сказала Настя тихо. — Один. Это хорошо.

— Почему?

— Если бы он пришёл тебя брать, он бы не пришёл.

Ваня встал, посмотрел на пиво, на Диму, потом сел обратно. Дима оценил это. Ваня был человеком, который не уходил, когда становилось неуютно, и это было единственное, чем он отличался от большинства знакомых Димы.

Колокольчик над дверью звякнул. Ярцев вошёл, закрыл дверь за собой, остановился посреди мастерской и посмотрел на витрину — так внимательно, будто пришёл именно за ушными усилителями.

— Добродей Дмитрий Евгеньевич, — сказал он, не оборачиваясь. — Тридцать два года. Проводник Палаты с двадцать первого по пятьдесят восьмой. Одиннадцать чистых входов четвёртого уровня, три — пятого. Аннулирован по «Тверской-12». С тех пор — ремонт. — Он наконец повернулся. — Я не буду спрашивать, где вы были этой ночью. Я знаю, что вы были здесь. У меня есть запись с камеры напротив, я её купил у хозяина «Шаурмы 24» за три тысячи.

— Тогда зачем вы здесь?

— Затем, что «Севергазу» это неинтересно. У них труп, у них журнал с вашей фамилией и у них есть Палата, которая подтверждает, что походка ваша. Для них дело закрыто, осталось вас найти. — Ярцев прошёл в заднюю комнату, коротко кивнул Насте, будто отмечая, что поручение выполнено, и остановился напротив Димы. — А мне интересно другое. Мне интересно, кто прошёл четыре шлюза с выжженным ключом. Потому что это невозможно. А потом я думаю: раз это возможно, значит, кто-то это умеет. А раз кто-то это умеет, он сделает это ещё раз. И в следующий раз хранилище может быть моё.

Он говорил ровно, без нажима, как читают отчёт. Дима поймал себя на том, что слушает.

— Дежурного убили обратным сигналом, — сказал Ярцев. — Вы знаете, что это такое. Я знаю, что вы знаете, потому что в Палате осталось семь человек, которые это умеют, и вы один из них. Двое из семи мертвы, один в Сингапуре, один в Палате на должности, с которой не встают. Остаётся трое, включая вас. Я не верю, что это вы. Я хочу знать, кто.

— Спросите двух других.

— Спрошу. Но у них есть ключи, работа, репутация. У них нет причин работать на меня. А у вас есть.

Ваня фыркнул. Ярцев не повернул головы.

— Условия такие. «Радуга» имеет лицензию на безопасность и право выдавать временные гостевые ключи под свою ответственность. Я выдам вам гостевой ключ на семь суток. Вы входите в Толщу под нашим флагом, ищите того, кто это сделал, и отдаёте его мне. Семёнова будет с вами — как охрана и как мои глаза, скрывать не буду. Через семь суток я либо получаю имя, либо передаю вас «Севергазу» с чистой совестью, потому что я честно пытался.

— А если имя будет, что получу я?

Ярцев впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Ходатайство «Радуги» в Палату о восстановлении ключа. Полного. С мотивировкой, что аннулированный проводник оказал содействие в поимке преступника с идентичными навыками. Такие ходатайства удовлетворяют. Я знаю, потому что одно уже подавал.

Наступила тишина. За окном дождь бил по капотам машин без номеров.

Дима думал не о ключе. О ключе он думал три года и научился не думать. Он думал о том, что Ярцев только что произнёс вслух ровно те слова, которые нужно было произнести, чтобы человек в его положении сказал «да», — и произнёс их так, будто просто перечислял условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.